

ХОРОШИХ КРОВЕЙ

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского](#).

- Я хороших кровей, - говорит про себя коновал Липат. - А все оттого, что мы спокон веку едим хорошо. Со скотины взять пример: у смореной лошади дрянь носом идет, и она даже может других заразить. А мы всегда хорошо жили. Дед страшный колдун и первый однодворец во всей округе был. А покойный родитель еще потягался бы с ним. Ну, вот и считай, что мне по наследству пришлось... Я, брат, не простой коновал.

Говорит он мерно, низко, с приятной грубостью. Зовут его, конечно, не Липатом, но Ипат - это мужикам да и ему самому не нравится. Отца его звали так же, как деда, - Борисом. Он уверяет, что нет такого имени - Борис, а есть Борисоглеб, что был в старину святой, благоверный князь-однодворец, носивший это имя, и что далеко не всякий мужик достоин быть тезкой Борисоглеба.

- И меня обязательно надо было так же назвать, - говорит он. - Только, конечно, мы попам нож вострый, они наш род спокон веку не любят, вот и сделали назло нам.

Росту он большого, волосом бледно-желт; глаза у него мутно-синие, ресницы белые, крупные. "Мы, сказывают, из Сибири пришли, - говорит он. - Оттого у меня и рост и волос сибирский. Одного не пойму, - и тут он сдвигает рукав полушубка и показывает жесткую, покрытую красноватой шерстью руку. - Волос у меня везде лисий, бланжевый, а по рукам с красниной: верно, меченые мы все..." Зимой он носит черную баранью шапку, сверх полушубка - длинный тулуп нараспашку, с большим, раскинутым по плечам воротом из белой овчины, и длинные, кожей обшитые валенки.

Он богат. Живет на дедовском поместье, в голом поле. Хозяйствует без работников, с двумя женатыми сыновьями. Не жаден, не зол, но беспощаден. Раз подкараулил поджигателя, пьяницу-старика, убил - "как лярву" слегой, заявил, куда следует - и забыл. Воров ни в грош не ставит - "мышь копны не боится" - говорит он насмешливо но держит целых семь штук ужасных собак. Они часто выходят под дорогу, в поле. Прошлый год на клоки разорвали нищенку, рвут пастухов и овец, - только подгони стадо к хутору! - и почему-то особенно злы осенью.

Коновал он знаменитый! Но слывет и редким крысомором. А морить, изгонять крыс - это уже с колдовством связано.

По достатку своему он давно бы мог оставить такие дела. Но они перешли к нему по наследству, от покойников родителей; они дают ему известность, окружают его двор и все предания двора таинственностью. А это для него важнее всякого богатства.

Он очень дорожит тем, что его считают не простым человеком. Он чувствует себя носителем какой-то большой и жуткой силы, с которой он, если бы даже и хотел того, не мог бы расстаться, - невольным восприемником каких-то знаний, высоких тем более, что, соприкасаясь с колдовством, они, однако, творят на земле не злое, а доброе.

Он рассказывает:

- Есть разные колдуны. Есть от бога, есть и от врага. Кто к сатане захочет прикачнуться, тот уж и делает так. Перво-наперво он в самую темь, в ночь-полночь в овин обязан итить и ружье с собой и образ взять. Собака не брешет, лягушка не турлычет, а он, знай, иди. Придет, вздует огонь в печи, снимет с себя крест, сядет на него и ждет, сидит... Как полночь, так он и вот он: зашуршит, как собака, в соломе, подыметя рогами под самый решетник из этой самой страсти, темени, и корыто поганое перед тобой постановит. Сам молчит, а сам дело делает. Наблюет в него, нагадит, а ты - ешь. Потом ружье у тебя из рук возьмет. Зарядит, как надо, забьет дохлой шерстью, а образ над печью пристроит: хочешь не хочешь, а стреляй...

- Это значит, на гибельные дела силу человек получает, говорит слушатель. - А на хорошие?

- А на хорошие тоже не мед. Ночью надо на перекресток пойтить и свиным ножом кровь себе из левой руки кинуть. Он ее страсть как любит. Всю подберет, вылижет вместе с пылью. Ну, вот таким-то побитом и дед наш, конечно, делал. Зато и богат, жаден был. Стал помирать, отец стоит над ним, ждет от него силы, а он велел подать себе на блюде серебра, золота - и давай его в рот горстями пхать. Подавился, заплакал - "нет, говорит, видно, с собой не унесешь!" - и открылся отцу во всем... А мне покойник родитель только и сказал, что одно слово до трех раз: "Все мое - твое, все мое - твое, все мое - твое" Штука-то, кажись, нехитрая, а поди-ка, откажись!